

Оно выражает отрицаніе всей современной цивилизаціи, основанной на господствѣ одного класса общества надъ другимъ, отрицаніе существующаго экономического строя, отрицаніе правительства и власти, отрицаніе буржуазной политики и морали, рутинной науки и искусства, способствующихъ эксплуатаціи, отрицаніе лицемѣрныхъ нравовъ и обычаевъ, завѣщанныхъ намъ прошлыми вѣками, — словомъ отрицаніе всего того, передъ чѣмъ благоговѣть буржуазная цивилизація.

Такъ это было и съ анархистами. Въ Интернаціоналѣ возникла партія, которая отрицала всякую власть въ Ассоціаціи и возставала противъ какого-бы то ни было авторитета; она называла себя въ началѣ партіей федералистовъ, а потомъ партіей анти-государственниковъ (*anti-étatistes*) или *противовластниковъ* (*anti-autoritaires*). Въ то время она избѣгала названія анархической. Слово *ан-архія* (такъ писали тогда это слово), казалось, сближало эту партію съ послѣдователями Прудона, съ идеями экономической реформы котораго сражался тогда Интернаціоналъ. Противники ея намѣренно употребляли названіе анархистовъ, позволяющее имъ доказывать, что представители этой партіи стремятся водворить повсюду безпорядокъ и хаосъ, никогда не задумываясь надъ послѣдствіями своихъ теорій.

Анархисты приняли все же это названіе. Они настаивали сначала, чтобъ писали ан-архія, говоря, что это слово, написанное такъ, означаетъ по-гречески отсутствіе власти, а не безпорядокъ. Но потомъ они перестали обращать на это вниманіе и сами называли себя анархистами.

Вотъ что говорилъ объ анархистахъ англійскій философъ Бентамъ въ 1816 году: —,Философъ, стремящійся къ преобразованію какого-нибудь закона, никогда не призываетъ къ возстанію противъ него. Анархистъ поступаетъ иначе. Онъ отрицаетъ самое существованіе закона и убѣждаетъ своихъ послѣдователей не признавать его и противиться его исполненію». Теперь же мы скажемъ, что анархистъ отрицаетъ не только всѣ существующіе законы, но и всякую возможность власти и авторитета. Онъ начинаетъ съ того, что возстаетъ противъ какой-бы то ни было власти, противъ какого-бы то ни было авторитета.

Анархизмъ, говорятъ намъ, отрицаетъ порядокъ, исходя изъ понятія о безпорядкѣ и хаосѣ.

О какомъ же *порядкѣ* тутъ рѣчь? О той ли гармоніи, о которой мечтаемъ мы, анархисты? о гармоніи, которая установится въ людскихъ отношеніяхъ, когда человѣчество не будетъ больше раздѣлено на два класса, изъ которыхъ одинъ приносится въ жертву другому? о гармоніи, которая возникнетъ изъ солидарности интересовъ, когда всѣ люди сплотятся въ одну семью, когда каждый будетъ работать для благоденствія всѣхъ и всѣ для благоденствія каждаго? Очевидно, нѣтъ! Тѣ, которые упрекаютъ анархію въ отрицаніи порядка, говорятъ не о гармоніи будущаго, а о порядкѣ, признаваемомъ современнымъ обществомъ. Посмотримъ же, что изъ себя представляетъ этотъ пресловутый порядокъ, къ разрушенію котораго стремится анархія.

Порядокъ, вѣрнѣе, то, что они называютъ порядкомъ, — это девять десятыхъ человѣчества, работающихъ для доставленія роскоши и наслажденія избраннымъ для удовлетворенія самыхъ низкихъ страстей горсти бездѣльниковъ.

Порядокъ — это лишеніе девяти десятыхъ человѣчества всего того, что составляетъ необходимыя условія нормальной жизни, раціональнаго развитія умственныхъ способностей. Свести девять десятыхъ человѣчества на положеніе вьючныхъ скотовъ, живущихъ изо дня въ день, не смѣя даже думать о радостяхъ, доставляемыхъ человѣку наукой, искусствомъ и творчествомъ, — вотъ что называютъ они „порядкомъ!“

Ихъ порядокъ — это голодъ, нищета, ставшіе нормальными условіями жизни современнаго общества. — Это ирландскій крестьянинъ, умирающій отъ голода; это треть Россіи, погибающая отъ дифтерита и тифа, умирающая отъ неурожаевъ, когда цѣлые вагоны пшеницы вывозятся за границу. Это народъ Италіи, вынужденный покидать свои роскошныя, плодоносныя поля и итти искать работы въ какомъ-нибудь тоннелѣ, рискуя каждую минуту быть задавленнымъ. Это земля, отнятая у крестьянина и отданная подъ пастбища, чтобъ разводить скотъ для стола богачей. Это заброшенныя, невоздѣланныя поля, въ то время какъ у крестьянина нѣтъ клочка земли для обработки. Это женщина, продающая себя, чтобъ прокормить своихъ дѣтей; это ребенокъ, прикованный къ фабрикѣ и умирающій отъ истощенія; это рабочій, сведенный на положеніе машины. Это призракъ возставшаго рабочаго у порога богачей, призракъ возставшаго народа у порога правителей.

Ихъ порядокъ — это незначительное меньшинство, господствующее надъ большинствомъ и воспитывающее своихъ дѣтей такъ, чтобъ они сумѣли путемъ хитрости, разврата и избіеній удержать въ своихъ рукахъ власть и привилегіи.